

но совершающегося чуда — недоступного воображению, невысказанного — пронизывает собой всё христианство. Соединение несоединимого — один из основных мотивов богослужения, и литургическая поэзия недаром выстроена на антитезах. И вот, Владимир на уровне личной судьбы как бы воспроизводит парадоксальность той веры, к которой прорывается. В этот самый момент он и делается равноапостольным.

Здесь всё поразительно, особенно с точки зрения современников Владимира, к младшим из которых ещё принадлежал Иларион: князь-язычник, воздвигатель кумиров, жестокий правитель, братоубийца, непомерный женолюбец... И вдруг — такое преображение! В самом этом контрасте для Илариона — тут он, безусловно, очень чуток к сути — и заложена благодатность свершившегося с Владимиром и всей Русью.

— *Значит, современники видели в произошедшем не столько проявление рационального политического ума, сколько непостижимый акт веры?*

— Не так просто. Всё же Иларион — не рядовой современник, даже среди образованных людей своего времени он был фигурой выдающейся. Хотя в древнейших слоях летописи тоже присутствует этот мотив: там, где апостолы не ходили, воссияло православие. Правда, надо признать, что позднее не всех древнерусских историософов такая подчёркнутая парадоксальность устраивала. Возникали альтернативные версии попроще, для среднего ума. Будто сам апостол Андрей проехал через будущую Русскую землю и заранее благословил горы, на которых предстояло возникнуть Киеву. Или будто учителем Руси можно считать апостола Павла, ведь его ученик Андроник проповедовал у иллирийских славян, а мы — тоже славяне...

Поэтому я бы поостерегся утверждать, что для всех современников Владимира Святославича он однозначно виделся равноапостольным просветителем Руси. Это, всё-таки, богословский поворот сюжета, который мог быть усвоен теми, кто получил сильную прививку византийской православной культуры. Святость равноапостольного — трудная святость, не только по неподъёмности подвига для самого святого, но и по сложности её уразумения со стороны. Большинство, думаю, смотрели на Владимира как на правителя, у которого выбор веры был — опять-таки выражаясь словами Илариона — «с силою сопряжён». Для киевлян и всех жителей Руси было важно и знаменательно, что князь не только сам крестился — ведь христиане среди представителей княжеского рода уже бывали, — но и имел во-

лю и силу обратить всю страну: «а кто не примет крещения, тот мне враг». В этом, конечно, тоже видели подвиг и свидетельство веры.

— *Возвращаясь к логике истории: была ли религиозная альтернатива принятию христианства?*

— Вопрос правомерный уже потому, что он поставлен летописцем в так называемом Сказании о выборе веры князем Владимиром. Конечно, Сказание не следует воспринимать буквально, но несомненно какая-то политическая, дипломатическая реальность за всем этим стоит. И с «латинским» Западом, и с мусульманским миром — с Волжской Булгарией, с Хорезмом, с прикаспийскими государствами — Киев имел постоянные сношения. Безусловно, элемент сравнения различных конфессий и религиозных традиций присутствовал в практике того времени. Княгиня Ольга, бабка Владимира, как мы знаем, крестилась в Константинополе, но, видимо, не получив от Византии всего, на что рассчитывала, за епископом направила послов к германскому королю Оттону I. В русской миссии немецкого епископа Адальберта много неясного, твёрдо известно лишь, что успеха она не имела. Но для нас важно другое: правители Руси видели возможность — принципиальную, теоретическую — принятия иной веры, нежели «вера греческая», и так или иначе использовали её в своей политике. Впрочем, тут они были неоригинальны: так же действовали в IX веке и великоморавский князь Ростислав, и болгарский царь Борис I.

Но было ли западное христианство для Руси реальной альтернативой византийскому православию? Думаю, вряд ли. Всё-таки Русь, даже ещё языческая, культурно была уже очень крепко связана с Ромейской державой. В течение более чем столетия, прошедшего от Рюрика до момента Крещения, христианство активно проникало на Русь — причём главным образом именно из Византии. Большую роль здесь играли экономические и политические контакты.

Представим себе русского князя середины X века. Как выглядел годовой ритм жизни — его и дружины? Зимой князь с воинами едет в полюдье, собирает дань. А что дальше? Куда девать всё, что собрали? И вот в далёкий путь в Константинополь отправляются караваны ладей, и те же дружинники продают там все излишки, закупая то, что иначе на Руси получить не могли — драгоценные одежды, предметы роскоши, вино, пряности и тому подобное. Не забудем, что такое путешествие и пребывание в Царьграде продолжались по нескольку месяцев. Этот незатейливый

механизм составлял стеновой хребет княжеской экономики в IX–X веках. Давайте задумаемся: ежегодно по полгода посланники Руси живут в окружении византийской цивилизации. Перед нами своего рода мигрирующая социальная элита, половина жизни которой проходит на языческой родине, а другая половина — в столице христианского мира. Это не могло не оказывать влияния, в том числе и религиозного. И летопись его фиксирует, когда говорит: «Суть бо мнози варязи христиане».

— *И первомученики русские, Феодор и сын его Иоанн, были варягами...*

— Да. И таких примеров — немало. Вспомним хрестоматийный факт: дружина Игоря, скрепляя клятвой русско-византийский договор 944 года, делится на две части — язычники клянутся Перуном и Велесом, а христиане приносят присягу крестоцелованием в храме св. пророка Илии на Подоле... Жизнь столичного древнерусского общества к 980-м годам была уже пронизана восточным, византийским, христианством настолько, что латинский обряд вряд ли мог рассматриваться как реальная ему альтернатива.

— *А как обстоит дело с исламом? Могла ли Русь стать мусульманской, по примеру, скажем, Волжской Булгарии?*

— Булгары находились в смысле географически-коммуникативном совершенно в ином ареале — волго-каспийском. Коль скоро мы пускаемся в домыслы и исторические реконструкции, позволим себе на минуту вообразить, что центр формирования древнерусской государственности, хотя бы локальный и временный, сложился не в Среднем Поднепровье, а в Ярославском Поволжье, где в районе Тимирёва археологи открыли одно из средоточий древнерусских военно-торговых древностей X века. Тогда в судьбе формирующейся «иной Руси» ислам мог бы сыграть более значительную роль в силу включённости этого региона в систему Волжского пути. Но геополитические реалии сложились так, что государственная жизнь Руси кристаллизовалась не вдоль волжской оси, как это было ещё в IX столетии, а вдоль знаменитого «пути из варяг в греки», который в X веке выдвинулся на позиции основной коммуникационной магистрали Восточной Европы. Волжский путь оказался на периферии складывавшегося Древнерусского государства, а с ним отодвинулась в тень и «исламская альтернатива», столь актуальная для Волжской Булгарии.

Иудаизм как возможный религиозный выбор вообще едва ли стоит рассматривать. Да и сами иудеи не слишком приветствовали прозелитизм. Если же взять